

Библиотечная инициатива Императорского Вольного экономического общества и ее реализация в 1830-е гг.

Попов Дмитрий Иванович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, социологии и политологии, Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского. Россия, г. Омск.

ORCID: 0000-0003-3091-3524. RSCI: 192070. E-mail: 55popov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыто содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества и показана его реализация в России в 1830-е гг. Новую научную оценку получил характер отношений государства и общества в николаевской России, где государственная власть проявила заинтересованность в привлечении образованных слоев населения к решению задач культурного развития страны. Инициатива первого в России общественного формирования, предусматривавшая создание в губернских городах империи публичных библиотек путем поощрения самоорганизации «снизу» была не просто одобрена правительством, но и стала основой государственной библиотечной политики в рассматриваемый период.

Сделан вывод о том, что в ходе реализации библиотечного проекта сотрудничество правительства с коронной администрацией в губерниях и образованным городским населением не достигло уровня постоянного диалога, оставаясь спорадическим и поверхностным. Власть опиралась преимущественно на дворянство и чиновничество, разночинная интеллигенция к реализации библиотечного проекта допущена не была. Такая «элитарность» негативно отразилась на судьбе библиотек, привилегированные слои городского общества оказались не готовы принять на себя бремя ответственности за их судьбу. Из 39 открытых в 1830-е гг. публичных библиотек к концу 1840-х гг. относительно стабильно функционировали только 12.

Результаты исследования могут быть использованы в научных исследованиях по истории России, в образовательном процессе, при подготовке учебных пособий и т. д.

Ключевые слова: Императорское Вольное экономическое общество, Министерство внутренних дел, губернатор, общественность, публичные библиотеки.

Введение. Трактровка историком А. А. Кизеветтером «железного» курса правительства Николая I, «бесповоротно сковавшего все проявления общественной самодеятельности» [11, с. 330], долгое время являлась лейтмотивом исследований, посвященных внутренней политике России 1830–1850-х гг. Отношения между государством и обществом в советской, а затем и в российской исторической науке, как правило, определялись терминами «отчуждение» или даже «пропасть» [25].

В настоящее время формируются новые подходы к осмыслению правления императора Николая I. Исследователи обратились ко всему многообразию общественной жизни в николаевской России, где складывался пусть и не всегда успешный опыт сотрудничества между властной элитой и общественностью в решении актуальных проблем развития страны. Историки проявили интерес к изучению различных форм социальной самоорганизации, в том числе в сфере образования и культуры [8].

Одним из примеров формировавшегося в России опыта партнерских отношений между правительством, коронной администрацией в губерниях и образованным городским населением стала реализация библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества (далее – ИВЭО). В 1830-х гг. по инициативе первого в нашей стране общественного формирования были открыты ориентированные на читательские потребности широкой публики библиотеки. Их появление стало результатом признания на государственном уровне

важности культурного развития населения страны, необходимости создания в регионах просветительных учреждений путем поощрения самоорганизации «снизу».

Теоретико-методологическая основа исследования. Объектом исследования является общественно-государственное партнерство в процессе создания публичных библиотек в губернских центрах России в XIX в. Цель статьи – раскрыть содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества и показать его реализацию в России в 1830-е гг.

Методологической основой работы является принцип историзма, требующий рассмотрения объекта исследования с позиций анализа конкретно-исторических условий, в которых происходило его становление и развитие. Обращение к принципу историзма позволило установить причинно-следственные связи между процессами, происходившими в общественно-политической и культурной жизни России в первой половине XIX в., и реализацией библиотечной инициативы общественности, выяснить специфику просветительных организаций, созданных в российской провинции. Работа также основана на принципе системности, что позволило автору раскрыть содержание партнерских отношений власти и общественности в их взаимосвязи и взаимозависимости, показать противоречивый характер такого партнерства. Эти принципы обусловили обращение к частным методам исследования, включая историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический.

Обращаясь к историографии проблемы, отметим, что отечественными исследователями сделаны только первые шаги по изучению истории публичных библиотек в России во второй четверти XIX в. Ценными научными публикациями, специально посвященными провинциальным публичным библиотекам в николаевской России, являются статьи П. Столпянского и А. Громовой [7; 30]. В частности, дореволюционный историк и библиограф П. Столпянский в своей работе раскрывает глубокие противоречия между «освященной Высочайшей санкцией ... просвещенной заботливостью высших административных чинов» и нежеланием губернских властей принимать на себя какие-либо обязанности в сфере культурной политики, традиционно остававшейся за пределами их внимания. Какой-либо позитивной роли провинциальной общественности в создании публичных библиотек автор статьи не находит [30]. Советский библиотековед А. Громова, обобщив значительный объем фактического материала, составила список действовавших в губернских городах России публичных библиотек, дала краткую характеристику их исторического пути. В то же время в ее работе библиотеки предстают исключительно детищем правительственных сановников, стремившихся с помощью этих учреждений культуры создать благоприятные условия для развития фабрично-заводской промышленности в Российской империи [7, с. 75]. Немалый интерес представляют публикации, в которых освещается история создания и деятельность отдельных публичных библиотек в губернских центрах России. Они содержат богатый фактический материал, свидетельства непосредственных участников тех событий, а также раскрывают наиболее злободневные проблемы работы библиотек: тяжелое финансовое положение, равнодушие значительной части горожан к нуждам этих учреждений культуры [2; 3; 6; 18; 20].

К настоящему времени уже накоплен немалый конкретно-фактический материал, позволивший исследователям изучить отдельные аспекты библиотечного строительства в России в 1830-е гг. В то же время в имеющихся научных работах по-прежнему недостаточно раскрыто содержание библиотечного проекта Императорского Вольного экономического общества, весьма противоречивы исследовательские оценки исторических условий и пути его реализации. Сведения о взаимодействии власти и провинциального общества носят фрагментированный и иллюстративный характер, что не позволяет оценить степень гражданской активности на местах.

Источниковую основу исследования составили нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере просветительства [14; 35; 36], документы центральных административно-управленческих органов власти [16; 17], переписка главы полицейского ведомства с представителями общественности (издателями, литераторами и т. п.) [21; 22; 23]. Эти материалы позволили выявить особенности культурной политики государства, охарактеризовать деятельность руководства Министерства внутренних дел и администрации губерний по реализации библиотечной инициативы крупнейшей общественной организации в России, а также определить характер отношений чиновников, дворянства и местной интеллигенции по поводу учреждения городских публичных библиотек.

Комплекс информации об изучаемых социально-культурных институтах, их влиянии на жизнь российского общества также сосредоточен на страницах дореволюционной периодиче-

ской печати. Автор обратился к материалам «Журнала Министерства внутренних дел» [15], «Журнала Министерства народного просвещения» [28], журналов «Книжный вестник» [29], «Северный вестник» [32], а также газет «Московские ведомости» [27] и «Северная пчела» [19].

Незаменимым источником стали воспоминания бывшего министра народного просвещения А. В. Головина, не только хорошо знакомого с состоянием библиотечного дела в стране, но и по долгу службы определявшего содержание политики государства в данной сфере [5].

Библиотечный проект Императорского Вольного экономического общества. В начале 1830 г. общее собрание ИВЭО поручило своему председателю графу Н. С. Мордвинову представить министру внутренних дел А. А. Закревскому проект открытия в губернских центрах России публичных библиотек. Автором и вдохновителем проекта являлся сам Н. С. Мордвинов – видный государственный и общественный деятель, неоднократно обращавший внимание властных кругов на отсутствие в российской провинции доступных широкой публике библиотек [4, с. 135]. В письме, направленном в апреле 1830 г. министру А. А. Закревскому, глава ИВЭО отметил, что лица «среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами» (вследствие их высокой стоимости в розничной торговле) и просил содействовать открытию в губернских городах публичных библиотек, «в которых бы все жители могли ... знакомиться с ходом и успехами просвещения». Н. С. Мордвинов выразил убежденность в том, что библиотеки, способствуя «народным улучшениям во всех родах», «возродят в городах дух общественности и взаимных советов у жителей», «откроют большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности» [21, с. 413–415].

По замыслу Н. С. Мордвинова, основная работа по открытию и финансированию губернских публичных библиотек должна выполняться силами местной общественности – дворянских и мещанских корпораций. В то же время, в письме министру он подчеркнул, что «дело совершенно быть может» лишь при условии должного участия в нем начальников губерний [21, с. 414–415]. «Русский народ способный ко всему, преодолевает многое, но многое преодолеть не может без пособия от правительства, от твердой и решительной воли которого зависит устранение всех препятствий к успешному действию», – отмечал Н. С. Мордвинов в одной из своих записок [10, с. 306]. Он был убежден, что «без денег, как главной действующей силы, никакие усилия человеческие недостаточны к достижению предположенной цели» [34, с. 45]. Поэтому, обращаясь в правительство, глава ИВЭО ходатайствовал как об организационной, так и о финансовой поддержке проекта. Понимая, что финансовая обеспеченность библиотек является одним из ключевых условий их стабильного функционирования, Н. С. Мордвинов рекомендовал установить плату за пользование книгами. Однако ее размер предполагался незначительным – «один рубль или даже гораздо менее», что не должно обременять «недостаточных граждан», но одновременно позволило бы укрепить материальный фундамент библиотек [21, с. 413–414].

Объясняя в письме А. А. Закревскому «важные в государственном отношении выгоды» от реализации библиотечного проекта ИВЭО, Н. С. Мордвинов апеллировал к «благим намерениям» Всемилостивейшего Государя. Тем самым отсылая главу полицейского ведомства к тексту императорского манифеста, опубликованного 13 июля 1826 г. и приуроченного к коронации. В нем Николай I обещает «принять с благоволением» все то, что ведет к «расширению истинного просвещения» [14, с. 706]. Отечественный историк М. А. Полиевктов вполне справедливо, на наш взгляд, отметил, что манифест содержал политическую программу предстоящего царствования, «провозглашая начало реформ и определяя ту степень и ту сферу сотрудничества, которая оставлялась за обществом» [24, с. 75–76]. К этой сфере манифест отнес деятельность, направленную на просвещение народа.

Понятие «просвещение» в первой трети XIX в. было хорошо знакомо российским подданным и широко употреблялось не только на страницах публицистических изданий или научно-популярных трактатов, но и в официальных документах [31, с. 12]. «Я разумею под именем просвещения, – отмечал В. А. Жуковский, – приобретение настоящего понятия о жизни, знание лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствование бытия своего, физического и морального» [9, с. 67]. Государственная власть проявила заинтересованность в привлечении ревнителей просвещения к решению задач в культурно-образовательной сфере: от меценатской поддержки учебных заведений до открытия таких учреждений, как библиотеки, театры, музеи и т. п. В частности, правительство понимало позитивное значение массового книжного чтения, являвшегося доступным и эффективным средством просвещения народа, а значит, содействующего «приращению народного благополучия». Как

частную инициативу, так и общественную самоорганизацию в библиотечной сфере власти рассматривали в качестве поддержки и продолжения собственных реформаторских усилий [19], направленных на «модернизацию уклада русской жизни», укрепление государственности, а также подъем торгового и промышленного предпринимательства.

Министерство внутренних дел и организационное строительство публичных библиотек в 1830-х гг. Министр внутренних дел А. А. Закревский не только одобрил библиотечный проект ИВЭО, но и принял деятельное участие в его реализации. Глава полицейского ведомства обратился к отечественным издателям и литераторам с посланиями, призвав их выступить в роли жертвователей, «участвовать по силам» в наполнении книжных фондов предполагавшихся к открытию библиотек [22; 23]. В июле 1830 г. А. А. Закревский направил главам коронной администрации на местах циркуляр, в котором просил их оказать содействие открытию в губернских городах публичных библиотек. Губернаторам рекомендовалось «пригласить к совещанию» предводителей дворянства, директоров гимназий и других учебных заведений, а также ревнителей просвещения из числа местного дворянства и купечества. Они должны были совместно определить помещение для размещения библиотеки, выработать устав, определяющий порядок ее функционирования, а также избрать попечительский комитет и назначить библиотекаря [36, с. 28–29]. Всего предполагалось открыть 52 публичные библиотеки в губернских центрах Российской империи [1, с. 51–52].

25 июля и 28 августа 1830 г. А. А. Закревский подписал новые циркуляры, в которых потребовал от руководителей губерний ускорить открытие библиотек, а также сообщил о жертвователях книг, среди которых частные лица, общественные организации (ИВЭО, Императорское Московское общество сельского хозяйства), а также министерства внутренних дел и финансов. Министр А. А. Закревский также взял на себя функции посредника между губернаторами как председателями попечительских комитетов библиотек и столичными жертвователями книг [6, с. 4].

Процесс учреждения библиотек в российских регионах протекал с разной степенью интенсивности. К 1835 г. были открыты 20 публичных библиотек в таких городах, как Архангельск, Екатеринослав, Кишинев, Пермь, Петрозаводск, Саратов, Смоленск, Тамбов, Томск, Харьков, Чернигов и др. [16, с. 117]. В 1840 г. числилось уже 39 библиотек [17, с. 100], причем восемь из них функционировали в уездных городах [1, с. 51–52].

Библиотеки представляли собой санкционированные государственной властью общественные формирования, управлявшиеся попечительскими комитетами во главе с губернаторами [26, с. 24; 27]. Наряду с решением организационных и материально-финансовых вопросов, попечительские комитеты осуществляли комплектование фондов библиотек, а также назначали библиотекарей. Поскольку министерские циркуляры прямо указывали на дворянство и купечество как на союзников властей в деле открытия библиотек, главы губерний приглашали вступить в попечительские комитеты преимущественно представителей этих категорий горожан. Функции библиотекарей, как правило, выполняли преподаватели местных учебных заведений, действующие или отставные чиновники. В одних случаях им назначалось жалование, в других – они «служили делу просвещения» безвозмездно.

Среди факторов, определявших успешное завершение учредительного процесса, а затем и стабильность работы той или иной библиотеки, необходимо выделить ее ресурсную обеспеченность. Решая вопросы комплектования книжных фондов, организации обслуживания читателей и оплаты труда персонала, губернаторы не раз обращались к министру А. А. Закревскому, а затем и к новому главе полицейского ведомства Д. Н. Блудову с запросами о государственном финансировании библиотек. Из ответных министерских циркуляров следовало, что какая-либо финансовая поддержка библиотек в планы правительства не входит, поэтому затраты на их функционирование почти полностью должны лечь на плечи «любителей полезных занятий» из числа городской общественности. Понимая, что для успешной реализации проекта ИВЭО участия одних только местных просветителей, работавших на добровольной и безвозмездной основе, может оказаться недостаточно, Д. Н. Блудов указал губернаторам на необходимость привлечь к выполнению тех или иных обязанностей местных чиновников. В апреле 1832 г. он распорядился назначить библиотекарями канцеляристов губернского дворянского собрания или приказа общественного призрения с тем, чтобы они выполнение своих служебных обязанностей совмещали с работой в библиотеке [35, л. 7–8].

Не найдя или не желая найти энтузиастов, готовых «жить не личными, а общественными интересами», некоторые губернаторы полагались только на силы местных чиновников.

Например, из государственных служащих состояли возглавлявшиеся губернаторами попечительские комитеты публичных библиотек в Архангельске, Томске, Перми и других городах России [3, с. 5; 6, с. 6; 20, с. 5]. Как сообщал журнал «Книжный вестник», выбор лиц в качестве попечителей саратовской публичной библиотеки «не мог быть случайным и соответствовал служебному положению их» [29, с. 78]. Участие чиновников в работе публичных библиотек не всегда было добровольным, некоторые руководители коронных администраций, пользуясь служебным положением, в приказном порядке привлекали их к работе «на ниве просвещения».

В условиях самофинансирования большинство публичных библиотек установило абонентскую плату за пользование книжными фондами. Ее размер варьировался в диапазоне от 5 до 30 рублей в год [3, с. 9; 6, с. 11; 18, с. 140], что исключало из библиотечного обслуживания малоимущую «серую публику». Контингент посетителей, как правило, состоял из материально обеспеченных горожан, способных не только приобрести абонемент, но и вносить залогом за выдаваемые на дом книги, что существенно сокращало число читателей и, как следствие, размер поступавших в кассу денежных средств. Этим объясняется столь высокая доля пожертвований в ежегодных доходах библиотек. Однако и они, являясь в большинстве случаев однократными взносами, не могли стать бюджетобразующей статьёй доходов. К тому же пожертвования часто делались в натуральной форме: книгами, произведениями периодической печати, мебелью, дровами для отопления помещений и т. п.

Коронная администрация в губерниях, а также органы городского самоуправления существенной материальной поддержки публичным библиотекам почти не оказывали. В 1832 г. в регионы был направлен министерский циркуляр, установивший прямой запрет на нецелевое расходование денежных средств, полученных в результате земских сборов [35, л. 8]. В качестве единовременной помощи библиотеки получали сравнительно небольшие суммы. Например, томская Городская дума в 1830 г. профинансировала ремонт помещений, предназначенных для размещения книжного фонда, а в 1833 г. предоставила публичной библиотеке субсидию в размере 200 р. [20, с. 5, 7].

В этих условиях поиск помещений для размещения книжных фондов представлял немалую сложность. Попечительские комитеты, располагая весьма ограниченными материальными возможностями, испытывали затруднения не только с приобретением, но даже с арендой недвижимости. В 1832 г. после многочисленных запросов с мест решением проблемы был вынужден заняться министр внутренних дел Д. Н. Блудов. Специальным циркуляром он предписал размещать книгохранилища в помещениях дворянских собраний, приказов общественного призрения или городских обществ. В этом случае, указывал министр, «отопление комнат, которые будут заняты библиотекой, не потребует особых издержек» [35, л. 7–8].

Отсутствие каких-либо финансовых обязательств со своей стороны центральная власть рассматривала в качестве одного из условий государственной поддержки библиотечной инициативы ИВЭО. В 1834 г. высочайшим повелением публичные библиотеки были «переданы под наблюдение» министерства народного просвещения. Ознакомившись с положением дел, глава ведомства С. С. Уваров в ежегодном отчете императору указал, что «учреждение в губерниях публичных библиотек идет успешно, не требуя притом никаких издержек от правительства» [16, с. 119]. На самом деле ситуация с публичными библиотеками не была столь радужной.

Проблемы функционирования публичных библиотек в России: несостоявшееся партнерство власти и общественности. Вследствие хронического дефицита бюджетов большинство попечительских комитетов не имели возможности осуществлять текущее финансирование расходов публичных библиотек, не говоря уже об аккумулировании денежных ресурсов в качестве неприкосновенного капитала. Для укрепления материального фундамента необходимо было найти несколько параллельных, взаимно дополнявших друг друга источников доходов, обеспечив их ежегодное воспроизводство. Наряду с абонентской платой, это могло быть регулярное отчисление в пользу библиотеки процента от жалования местных чиновников. Такое решение в пользу местного книгохранилища, например, приняли государственные служащие Архангельска [13, с. 19]. В Тамбове ежегодное финансирование публичной библиотеки осуществлялось с помощью акционерной компании, учрежденной с этой целью губернским дворянством и санкционированной императором Николаем I [15, с. 163–164; 18, с. 139]. Однако такие способы пополнения бюджетов публичных библиотек не получили широкого распространения, оставаясь скорее исключением, чем правилом. Направленные в Министерство народного просвещения отчеты попечительских комитетов регулярно сообщали о хронической нехватке денежных средств, обремененности долгами, «ничтожных по-

ступлениях» от платы за чтение, а также «оскудении пожертвований», так, что некоторые публичные библиотеки «еле могли сводить концы с концами» [33, с. 71–72].

Испытываемые книгохранилищами финансовые трудности стали лишь одной из причин сравнительно скромных результатов развития библиотечного дела в регионах. Еще одна причина заключается в пассивной позиции, занятой некоторыми главами коронной администрации. Результативность воплощения инициативы столичных просветителей в жизнь в значительной степени зависела от готовности губернаторов вести диалог с городской общественностью, их способности сделать публичную библиотеку центром притяжения местного образованного населения. Отсутствие у горожан опыта самоорганизации, неопределенность правового статуса библиотек, трудности материально-финансового характера и другие обстоятельства усиливали роль коронной администрации в реализации библиотечного проекта. По замыслу центральных властей именно главы регионов должны были стать руководящей силой в этом деле. Однако на местах ситуация складывалась по-разному. В одних случаях губернаторы становились истинными вдохновителями и организаторами публичных библиотек, заражая горожан энтузиазмом и поддерживая их инициативы. Например, благодаря усилиям главы Архангельской губернии И. И. Огарева горожане проявили интерес к плану создания библиотеки и активно включились в его реализацию [6, с. 6–7].

В других случаях губернаторы старались уклониться от исполнения министерского циркуляра, в целом однотипно объясняя свое бездействие. Например, глава Тобольской губернии отказ участвовать в учреждении библиотеки мотивировал «неимением в городе дворянства», а также малочисленностью купечества, «для коего не настало еще время учредить библиотеку». Губернатор даже не стал знакомить тоболяков с циркуляром министра А. А. Закревского [12, с. 81]. Местной же разночинной интеллигенции он не доверял и дел с ней иметь не захотел.

В свою очередь гражданский губернатор Оренбургской губернии И. Л. Дебу сообщал, что в городе Уфе, являвшемся административным центром региона, «публичную библиотеку для чтения завести невозможно, не столько от недостатка средств, сколько потому, что здесь все еще нет людей, занимающихся чтением». По словам губернатора, дворяне и чиновники «все время свое посвящают исключительно службе», не имея возможности заниматься делами библиотеки. Остальным же сословиям «потребность чтения книги вовсе еще не известна» [30, с. 56].

Нередко, возглавив попечительские комитеты, главы регионов прибегали к командным методам общения, как с подчиненными, так и с городскими обывателями – ревнителями просвещения. Например, томский губернатор Е. П. Ковалевский после получения циркуляра из столицы направил Городской думе предписание об учреждении библиотеки, указав, что ее «заведение назначается высшим начальством». Полгода спустя глава региона поторопил думу, потребовав от нее «привести заведение публичной библиотеки» к «желаемому результату». Примечательно, что губернаторский запрос в адрес гласных начинался словами: «Желаю иметь сведения о последствиях моего предписания...» [20, с. 5]. В данном случае Е. П. Ковалевский выполнение содержащихся в министерском циркуляре инструкций переложил на городское самоуправление, выступив лишь передаточным звеном в бюрократической цепочке. Пермский губернатор Г. К. Селастенник также отнесся к открытию библиотеки равнодушно и формально, видя в этом лишь необходимость исполнения министерского циркуляра [3, с. 6].

Правительственные сановники, а вслед за ними и губернаторы относили публичные библиотеки к сфере общественной деятельности и считали, что эти просветительные учреждения должны функционировать исключительно благодаря самоорганизации «снизу». Поэтому власти, оказав содействие на этапе организационного строительства библиотек, не желали брать на себя ответственность за их дальнейшую судьбу. Бывший министр народного просвещения А. В. Головин в своих воспоминаниях подчеркивал, что публичные библиотеки «должно содержать и распространять само общество». Причину того, что книгохранилища находятся в «жалком, бедственном положении» или же вообще отсутствуют в том или ином городе, по его мнению, нужно искать в «полном равнодушии к ним местных жителей», которые «еще не умеют соединяться для удовлетворения потребности к чтению и не хотят ничем для этого жертвовать» [5, с. 243].

Действительно, в реализации библиотечного проекта ИВЭО приняла участие небольшая часть образованного общества российских городов. Если члены Вольного экономического общества, во главе с его председателем, рассматривали публичные библиотеки в качестве

общедоступных просветительных учреждений, ориентированных в том числе на лиц «среднего состояния и недостаточных граждан», то государственные сановники придерживались другой точки зрения. Министерские инструкции губернаторам, разъяснявшие назначение публичных библиотек, ограничивали сферу «распространения истинного просвещения» преимущественно привилегированными городскими слоями, не только образованными, но и материально обеспеченными.

В первую очередь речь шла о дворянстве и чиновничестве, которые, по замыслам правительственных сановников, должны были принять на себя руководство публичными библиотеками и заботу «обо всех их нуждах». Однако провинциальное дворянство, сохраняя традиции домашнего чтения и располагая собственными книжными коллекциями, особого интереса к библиотечной инициативе из столицы не проявило. Если на первом этапе наиболее активная и просвещенная часть дворянской корпорации приняла участие в организационном строительстве библиотек, то в дальнейшем бремя ответственности за их судьбу легло на плечи чиновничества. Оно же составило костяк читательской аудитории. Так, в 1837 г. абонентами Томской публичной библиотеки являлись 49 человек, из них 79,3 % являлись государственными служащими. Несмотря на то, что состав читателей в 1830–1840-х гг. ежегодно изменялся, доля чиновников среди них в среднем составляла 60 % [20, с. 8–9]. Основной контингент посетителей Пермской публичной библиотеки также составляли местные чиновники [3, с. 5].

Наряду с чиновниками, читательский контингент публичных библиотек составляла учащаяся молодежь, что свидетельствовало о распространении ценности книжного чтения среди юношества. Книжные фонды публичных библиотек могли комплектоваться всеми незапрещенными в Российской империи печатными изданиями, в том числе теми, которые, по мнению охранителей из числа правительственных сановников, способны «особенно легко совратить молодых людей с истинного пути». После того как публичные библиотеки были переданы под надзор Министерства народного просвещения, учебное начальство выступило против бесконтрольного посещения молодыми людьми общественных книгохранилищ. В июле 1834 г. министр народного просвещения С. С. Уваров пояснил свою позицию по этому вопросу. В письме томскому губернатору он просил «обращать особенное внимание на выбор дозволенных для чтения молодым людям книг, равно как и на то, чтоб они, не увлекаясь заманчивостью чтения, изошряющего иногда одно бесплодие, если не вредное по последствиям любопытство, не пренебрегали настоящими своими занятиями» [20, с. 8]. Формально не запрещающая учащимся пользоваться книжными фондами публичных библиотек, местные гражданские и, особенно, учебные власти различными способами стремились ограничить эту возможность, что не могло не отразиться на количестве читателей.

Ежегодные отчеты публичных библиотек свидетельствуют о том, что они не смогли стать массовыми социально-культурными учреждениями. В разные годы число их подписчиков было непостоянным и могло изменяться в сравнительно широком диапазоне. Если в 1836 г. абонентами Томской публичной библиотеки состоял 51 человек (максимумом за все дореформенное время), то в 1838 г. число читателей сократилось до 11, а в 1840 г. до 9 человек [20, с. 8–9]. В 1835 г. в списках подписчиков Тамбовской публичной библиотеки значился 61 человек, но уже в 1848 г. их количество составило 16 читателей [18, с. 140].

Некоторые библиотеки не могли похвастаться и таким контингентом посетителей. В Перми из-за отсутствия интереса горожан публичная библиотека через два года после открытия свернула свою деятельность. В 1836 г. усилиями попечительского комитета работа библиотеки была возобновлена, причем все двадцать читательских абонементов приобрели исключительно чиновники [3, с. 5, 7, 9]. Журнал «Книжный вестник» сообщал, что за первые двадцать пять лет существования Саратовской публичной библиотеки «вряд ли десяток жителей города имел о ней хоть какое-нибудь смутное представление» [29, с. 78–79]. «Улучшение библиотеки» пришлось только на конец 1850-х гг., когда она фактически пережила свое второе рождение [28, с. 72].

В 1840-х большинство из губернских публичных библиотек оказалось в состоянии кризиса. Числясь лишь на бумаге, они почти никакой работы с читателями не вели, а книги складировали на чердаках и в подвалах. Попечительские комитеты в ежегодных отчетах сообщали о том, что «книг бралось мало», «ибо не представлялось желающих для того» [33, с. 72]. К концу десятилетия более или менее стабильно функционировали только 12 публичных библиотек [1, с. 52].

Заключение. История создания и деятельности публичных библиотек позволяет по-новому оценить характер отношений государства и общества в николаевской России. Выводы отечественного историка В. Я. Гросула о том, что Николай I испытывал к обществу недоверие, а то и вражду, и на пути создания новых общественных организаций были воздвигнуты «чрезвычайные сложности» [8, с. 82], лишь частично отражают ту сложную и противоречивую действительность, которая сложилась в нашей стране в 1830-е гг. Инициатива первой в России общественной организации – Императорского Вольного экономического общества, предусматривавшая создание в губернских городах империи публичных библиотек, была не просто одобрена правительством, но и стала основой государственной библиотечной политики в рассматриваемый период.

Вступив на престол, император Николай I в качестве «благих намерений» декларировал содействие «расширению истинного просвещения». В практической плоскости эту задачу наряду с другими культурно-образовательными учреждениями были призваны решать публичные библиотеки. Но не в качестве созданных «волей высшей власти» и финансируемых из казны государственных учреждений. А в качестве общественных формирований, основанных на принципах государственно-частного партнерства. Со стороны государства участие в реализации библиотечного проекта ИВЭО приняло полицейское ведомство и его представители в регионах – губернаторы, чей властный ресурс должен был обеспечить вовлечение государственных служащих в организационное строительство и последующую работу библиотек.

В начале 1830-х гг. публичные библиотеки были легализованы в правовом пространстве Российской империи, приобретя статус самоуправляемых общественных организаций. Их уставные документы, имевшие типовой характер и утвержденные министром внутренних дел, предоставляли попечительским комитетам известную внутреннюю автономию – возможность самостоятельно и под свою ответственность комплектовать книжные фонды, определять правила обслуживания читателей. Одновременно закреплялся принцип самофинансирования библиотек, которые не могли рассчитывать на какую-либо регулярную материальную помощь со стороны государственной власти или местного самоуправления.

В первой половине 1830-х гг. реализация проекта ИВЭО в губернских центрах протекала в целом успешно, библиотечное строительство развернулось более чем в двух десятках городов России. Однако этот импульс оказался недолговечным: во второй половине десятилетия процесс открытия новых библиотек затормозился, а большинство уже созданных книгохранилищ оказались в состоянии кризиса. Сотрудничество коронной администрации в губерниях и образованной части горожан не достигло уровня постоянного диалога, оставаясь, скорее, спорадическим и поверхностным. Формально-бюрократические методы работы немалой части губернаторов, их стремление действовать с помощью командных методов и опираться преимущественно на чиновничество и дворянство не могли не отразиться на повседневном функционировании публичных библиотек. Привилегированные городские слои – дворянство и чиновничество – не могли и не хотели на своих плечах нести бремя ответственности за библиотеки. Городская же разночинная интеллигенция по воле правительства к реализации библиотечного проекта допущена не была.

Все это позволяет сделать вывод о слабой готовности провинциального общества николаевской России к самоорганизации и совместной реализации социально важных проектов. С другой стороны, можно говорить о важном уроке для образованных и инициативных горожан, которые, опираясь на опыт 1830-х гг., в условиях общественного подъема второй половины XIX в. реанимировали и воплотили в жизнь идею общественных публичных библиотек, доступных всем слоям общества.

Список литературы

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. М. : Книга, 1980. 352 с.
2. *Артамонова Г. И.* История Смоленской областной универсальной библиотеки им. А. Т. Твардовского: к 180-летию создания. Смоленск : Свиток, 2013. 320 с.
3. *Афанасьева О. Т.* Молотовская государственная публичная библиотека им. М. Горького : исторический очерк: 1831–1950 гг. Молотов, 1950. 181 с.
4. *Гебель В.* Внешкольное народное образование в Западной Европе и Северной Америке. М. : Тип. И. А. Балаандина, 1899. 179 с.
5. *Головнин А. В.* Записки для немногих. СПб. : Нестор-История, 2004. 575 с.
6. *Голубцов Н. А.* Исторический очерк Архангельской публичной библиотеки. Архангельск : Губ. тип., 1910. 48 с.
7. *Громова А.* Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 г. // Советская библиография. 1934. № 1. С. 66–97.

8. Гросул В. Я. Российская общественность XVIII–XIX вв. Основные этапы становления и утверждения // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М. : РОССПЭН, 2011. С. 28–165.
9. Жуковский В. А. О новой книге «Училище бедных», сочинение Госпожи ле Пренс де Бомон // Вестник Европы. 1808. Ч. 42. № 21. С. 67–76.
10. Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов : историческая монография. СПб. : Тип. и Лит. А. Траншеля, 1873. 578 с.
11. Кизеветтер А. Исторические отклики. М. : Изд-во К. Ф. Некрасова, 1915. 390 с.
12. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М. : АИРО-XX, 1995. 160 с.
13. Лукичев П. М. Культурная взаимосвязь: Императорское Вольное экономическое общество и Санкт-Петербургский государственный институт культуры // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 18–23.
14. Манифест Николая I от 13 июля 1826 г. // Н. К. Шильдер Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. I. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1903. С. 704–706.
15. О Тамбовской Публичной библиотеке // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. 20. С. 162–165.
16. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1835 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1836. 149 с.
17. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1840 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1841. 149 с.
18. Патрина Л. Н. Тамбовская публичная библиотека как элемент провинциальной культурной среды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 181. С. 137–143. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-181-137-143.
19. Первая губернская публичная библиотека в России // Северная пчела. 1844. 15 марта.
20. Первая публичная библиотека Западной Сибири. Хроника Томской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина / автор-сост. О. Г. Никиенко. Томск, 2020. 227 с.
21. Письмо графа Н. С. Мордвинова министру внутренних дел А. А. Закревскому // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 413–415.
22. Письмо Николая Полевого министру внутренних дел А. А. Закревскому. 17.07.1830 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 415–416.
23. Письмо Фаддея Булгарина министру внутренних дел А. А. Закревскому. 19.07.1830 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 416–418.
24. Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 392 с.
25. Поташев А. Ф. Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 46–55.
26. Правила для Архангельской губернской публичной библиотеки 1833 г. // Н. А. Голубцов Исторический очерк Архангельской публичной библиотеки. Архангельск : Губ. тип., 1910. С. 24–26.
27. Правила для Тамбовской Публичной Библиотеки // Московские ведомости. 1835. 13 янв.
28. Публичная библиотека в Саратове // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. CVII. Июль. С. 72–73.
29. Саратовская городская публичная библиотека // Книжный вестник. 1861. № 5. С. 78–81.
30. Столпянский П. К истории провинциальных публичных библиотек в эпоху императора Николая I // Русский библиофил. 1912. № 1. С. 51–57.
31. Тимофеев Д. В. В ожидании перемен от "просвещения" России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2009. № 16 (154). Вып. 32. С. 12–20.
32. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.
33. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1904. 376 с.
34. Ходнев А. И. Краткий обзор столетней деятельности Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865 гг. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. 48 с.
35. Циркуляр Министра внутренних дел № 455 от 14 апреля 1832 г. «Относительно учреждений библиотек для чтения» // ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 244. Оп. 2. Д. 41. Л. 7–8.
36. Циркулярное предписание министра внутренних дел гражданским губернаторам от 5 июля 1830 года, о заведении в губерниях публичных библиотек для чтения // Журнал Министерства внутренних дел. 1831. Ч. 4. Кн. 1. С. 27–29.

The library initiative of the Imperial Free Economic Society and its implementation in the 1830s

Popov Dmitry Ivanovich

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of International Relations, Sociology and Political Science, Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk. E-mail: 55popov@mail.ru

Abstract. The article reveals the content of the library project of the Imperial Free Economic Society and shows its implementation in Russia in the 1830s. A new scientific assessment was given to the nature of relations between the state and society in Nikolaev Russia, where the state authorities showed interest in involving educated segments of the population in solving the tasks of cultural development of the country. The initiative of the first public formation in Russia, which provided for the creation of public libraries in the provincial cities of the empire by encouraging self-organization from below, was not only approved by the government, but also became the basis of the state library policy during the period under review.

It is concluded that during the implementation of the library project, cooperation between the government, the crown administration in the provinces and the educated urban population did not reach the level of constant dialogue, remaining sporadic and superficial. The authorities relied mainly on the nobility and bureaucracy, the diverse intelligentsia was not allowed to implement the library project. Such "elitism" had a negative impact on the fate of libraries, the privileged strata of the urban community were not ready to take on the burden of responsibility for their fate. Of the 39 discovered in the 1830s. By the end of the 1840s, only 12 public libraries were functioning relatively stably.

The results of the Study can be used in scientific research on the history of Russia, in the educational process, in the preparation of textbooks, etc.

Keywords: Imperial Free Economic Society, Ministry of Internal Affairs, governor, public, public libraries.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v SSSR* [History of librarianship in the USSR]. M., Kniga (Book). 1980. 352 p.
2. Artamonova G. I. *Istoriya Smolenskoj oblastnoj universal'noj biblioteki im. A. T. Tvardovskogo: k 180-letiju sozdanija* [The history of the Smolensk Regional Universal Library n. a. A. T. Tvardovsky: to the 180th anniversary of its creation]. Smolensk, Svitok. 2013. 320 p.
3. Afanas'eva O. T. *Molotovskaja gosudarstvennaja publichnaja biblioteka im. M. Gor'kogo: istoricheskij ocherk: 1831–1950 gg.* [Molotov State Public Library n. a. M. Gorky: historical essay: 1831–1950]. Molotov, 1950. 181 p.
4. Gebel' V. *Vneshkol'noe narodnoe obrazovanie v Zapadnoj Evrope i Severnoj Amerike* Out-of-school public education in Western Europe and North America. M., 1899. 179 p.
5. Golovnin A. V. *Zapiski dlja nemnogih* [Notes for the few]. SPb., Nestor-Istorija. 2004. 575 p.
6. Golubcov N. A. *Istoricheskij ocherk Arhangel'skoj publichnoj biblioteki* [Historical essay of the Arkhangelsk public library]. Arkhangelsk, Gubernskaja tipografija. 1910. 48 p.
7. Gromova A. *Publichnye biblioteki v provincii v 1830–1850 g.* [Public Libraries in the Provinces 1830–1850] // *Sovetskaja bibliografija – Soviet Bibliography*. 1934. No. 1. Pp. 66–97.
8. Grosul V. Ja. *Rossijskaja obshhestvennost' XVIII–XIX vv. Osnovnye jetapy stanovlenija i utverzhenija* [The Russian public of the XVIII–XIX centuries. The main stages of formation and approval] // *Samoorganizacija rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX v.* – Self-organization of the Russian public in the last third of the 18th – early 20th centuries / ed. by A. S. Tumanova. M., ROSSPEN. 2011. Pp. 28–165.
9. Zhukovskij V. A. *O novoj knige "Uchilishhe bednyh", sochinenie Gospozhi le Prens de Bomon* [About the new book "The School of the Poor", a work by Madame le Prince de Beaumont] // *Vestnik Evropy – Herald of Europe*. 1808. P. 42, No. 21. Pp. 67–76.
10. Ikonnikov V. S. *Graf N. S. Mordvinov : istoricheskaja monografija* [Count N. S. Mordvinov : historical monograph]. SPb., AIRO–XX. 1873. 578 p.
11. Kizevetter A. *Istoricheskie otkliki* [Historical responses]. M. 1915. 390 p.
12. Kuprijanov A. I. *Russkij gorod v pervoj polovine XIX veka: obshhestvennyj byt i kul'tura gorozhan Zapadnoj Sibiri* [Russian city in the first half of the 19th century: social life and culture of the townspeople of Western Siberia]. M., 1995. 160 p.
13. Lukichev P. M. *Kul'turnaja vzaimosvjaz': Imperatorskoe Vol'noe jekonomicheskoe obshhestvo i Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kul'tury* [Cultural interrelation: The Imperial Free Economic Society and the St. Petersburg State Institute of Culture] // *Vestnik SPbGUKI – Herald of SPbGUKI*. 2015. No. 4 (25). Pp. 18–23.
14. Shil'der N. K. *Imperator Nikolaj Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Nicholas I, his life and reign]. Vol. 1. SPb., 1903. Pp. 704–706.
15. *O Tambovskoj Publichnoj biblioteki* [About Tambov Public Library] // *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del – Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1836. Vol. 20. Pp. 162–165.

16. *Obshhij otchet, predstavlenyj Ego Imperatorskomu Velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija za 1835 g.* [General report submitted to His Imperial Majesty on the Ministry of Public Education for 1835]. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1836. 149 p.
17. *Obshhij otchet, predstavlenyj Ego Imperatorskomu Velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija za 1840 g.* [General report submitted to His Imperial Majesty on the Ministry of Public Education for 1840]. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1841. 149 p.
18. *Patrina L. N. Tambovskaja publichnaja biblioteka kak jelement provincial'noj kul'turnoj sredy* [Tambov Public Library as an Element of the Provincial Cultural Environment] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* -Herald of Tambov University. Series: Humanities. 2019. Vol. 24, No. 181. Pp. 137-143.
19. *Pervaja gubernskaja publichnaja biblioteka v Rossii* [The first provincial public library in Russia] // *Severnaja pchela* – Northern Bee. 1844. March 15.
20. *Pervaja publichnaja biblioteka Zapadnoj Sibiri. Hronika Tomskoj oblastnoj universal'noj nauchnoj biblioteki im. A. S. Pushkina* [The First Public Library of Western Siberia. Chronicle of the Tomsk Regional Universal Scientific Library n. a. A. S. Pushkin] / O. G. Nikienko. Tomsk, 2020. 227 p.
21. *Pis'mo grafa N. S. Mordvinova ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Count N. S. Mordvinov to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 413-415.
22. *Pis'mo Nikolaja Polevogo ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Nikolai Polevoy to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky]. 17.07.1830 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 415-416.
23. *Pis'mo Faddeja Bulgarina ministru vnutrennih del A. A. Zakrevskomu* [Letter from Faddey Bulgarin to the Minister of Internal Affairs A. A. Zakrevsky]. 19.07.1830 // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* – Collection of the Russian Historical Society. Vol. 2. SPb., Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1868. Pp. 416-418.
24. *Polievktov M. Nikolaj I: biografija i obzor carstvovanija* [Nicholas I: biography and review of the reign]. M., 1918. 392 p.
25. *Potashev A. F. Istoriofija carstvovanija Nikolaja I* [Historiography of the reign of Nicholas I] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija* – Herald of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2012. No. 2. Pp. 46-55.
26. *Pravila dlja Arhangel'skoj gubernskoj publichnoj biblioteki 1833 g.* [Rules for the Arkhangelsk Provincial Public Library, 1833] // Golubcov N. A. *Istoricheskij ocherk Arhangel'skoj publichnoj biblioteki* – Historical essay of the Arkhangelsk public library. Arkhangelsk, Gubernskaja tipografija. 1910. Pp. 24-26.
27. *Pravila dlja Tambovskoj Publichnoj Biblioteki* [Rules for Tambov Public Library] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow Vedomosti. 1835. January 13.
28. *Publichnaja biblioteka v Saratove* [Public library in Saratov] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* – Journal of the Ministry of Public Education. Vol. CVII. July. Pp. 72-73.
29. *Saratovskaja gorodskaja publichnaja biblioteka* [Saratov City Public Library] // *Knizhnyj vestnik* – Book Bulletin. 1861. No. 5. Pp. 78-81.
30. *Stolpjanskij P. K istorii provincial'nyh publichnyh bibliotek v jepohu imperatora Nikolaja I* [On the history of provincial public libraries in the era of Emperor Nicholas I] // *Russkij bibliofil* – Russian Bibliophile. 1912. No. 1. Pp. 51-57.
31. *Timofeev D. V. V ozhidanii peremen ot "prosveshhenija" Rossii: nadezhdy i trevogi rossijskogo obshhestva pervoj chetverti XIX v.* [In anticipation of changes from the "enlightenment" of Russia: hopes and concerns of Russian society in the first quarter of the 19th century] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Istorija* – Herald of Chelyabinsk State University. Series 1: History. 2009. No. 16 (154). Vol. 32. Pp. 12-20.
32. *F. Ch. Vneshkol'noe obrazovanie naroda: narodnye biblioteki i muzei, narodnye chtenija, dejatel'nost' obshhestva po narodnomu obrazovaniju v Rossii i drugih stranah* [Extracurricular education of the people: public libraries and museums, public readings, activities of public education societies in Russia and other countries] // *Severnij vestnik* – Northern Herald. 1894. No. 8. Pp. 239-259.
33. *Havkina L. B. Biblioteki, ih organizacija i tehnika* [Libraries, their organization and technology]. SPb., 1904. 376 p.
34. *Hodnev A. I. Kratkij obzor stoletnej dejatel'nosti Imperatorskogo Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva s 1765 po 1865 g.* [Brief overview of the hundred-year activity of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865]. SPb., Obshhestvennaja pol'za. 1865. 48 p.
35. *Cirkuljar Ministra vnutrennih del № 455 ot 14 aprelja 1832 g. "Otnositel'no uchrezhdenij bibliotek dlja chtenija"* [Circular of the Minister of the Interior No. 455 dated April 14, 1832 "Concerning the institutions of libraries for reading"] // GAVO (State Archives of the Vladimir region). F. 244. Inv. 2. File 41. Pp. 7-8.

36. *Cirkuljarnoe predpisanie ministra vnutrennih del grazhdanskim gubernatoram ot 5 ijulja 1830 goda, o zavedenii v gubernijah publicnyh bibliotek dlja chtenija* [Circular of the Minister of Internal Affairs to the civil governors of July 5, 1830, on the establishment of public libraries for reading in the provinces]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del* – Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1831. Part 4, Vol. 1. Pp. 27–29.

Поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 31.03.2025